

Понятие метафоры как ассоциативного процесса

Современная теория метафоры далеко ушла от понимания метафоры как переноса признака с одного предмета на другой. На сегодняшний день активно развивается когнитивная теория метафоры, провозгласившая метафору основной ментальной операцией, способом постижения, структурирования и категоризации мира.

Термин «ассоциативно-когнитивный подход» впервые появляется в монографии О. Н. Лагуты (Лагута 2003: 102). Как следует из названия подхода, в его рамках изучается проблема соотношения языка и мышления и проблема метафоры как связующего звена между двумя этими уровнями. В этом контексте необходимо обратиться к понятию психологического субъекта и психологического предиката, апперцептивного процесса и ассоциативного значения слова

Восприятие новой информации происходит при наложении психологического предиката на психологический субъект. Подобные идеи встречаются уже в античной философии. Аристотель выделял в суждении субъект – то, о чём говорится, и предикат – то, что говорится (Лузина 1996: 10). На современном этапе развития психолингвистики исследователи выделяют внешнюю и внутреннюю речь, отмечая предикативность последней (Выготский 1996: 239; Лурия 1998: 177).

Психологический предикат, в противоположность психологическому субъекту, есть новое в предложении. Исходя из гносеологической функции метафоры, можно с уверенностью заявить, что психологическим предикатом является метафорическое значение слова. Данное положение развивает в своей работе Н. Д. Арутюнова. По её мнению, метафора «ориентирована преимущественно на позицию предиката» (Арутюнова 1999: 370).

При наложении *психологического предиката* на *психологический субъект* в действие вступают законы *апперцепции*. Сущность апперцепции заключается в том, что поступающая извне новая информация вступает во взаимодействие с уже имеющи-

мися в сознании представлениями и находит среди них своё место, встраиваясь в наличествующую у каждого конкретного индивидуума систему представлений. Говоря словами А. А. Потебни, апперцепция «есть участие известных масс представлений в образовании новых мыслей <...> результатом взаимодействия двух стихий апперцепции является нечто новое, несходное ни с одною из них» (Потебня 1999: 103). Взаимодействие психологического субъекта с психологическим предикатом на основе закона апперцепции учёный определяет следующим образом: «Новое апперцепируемое восприятие будет субъектом, а представление, которое одно только выражается словом, будет заменою действительного предиката» (там же: 127). «Средством апперцепции», по мнению А. А. Потебни, являются также общие черты предметов, на основе которых образуются ассоциации. Особенность же ассоциации заключается в том, что различные восприятия, «данные одновременно или одно вслед за другим», взаимно провоцируют своё возникновение в сознании, при чём они «не уничтожают взаимно своей самостоятельности» (там же: 114-115), оставаясь при этом обособленными друг от друга и давая возможность при необходимости разделить процесс апперцепции на стимул и реакцию.

Итак, психологический субъект вступает во взаимодействие с психологическим предикатом по законам ассоциации и апперцепции, образуя при этом так называемые «сети связей», которыми обладает каждая лексическая единица (Лурия 2002: 95). Данные сети связей получили по своему происхождению название «ассоциативных»: «Обычный способ связать куски информации – ассоциации, когда, вспомнив одно, мы вспоминаем и нечто связанное с ним. Одна из величин, объединяющих ассоциативные отношения, может легко служить в качестве „пускового механизма“ для вызволения из памяти другой. Это и даёт основание предполагать, что таким же образом организована и память: по принципу стратификации разных ассоциативных сетей связей и их иерархии» (Кубрякова 1994: 99-100; Слобин 1976: 142).

Взаимодействие ассоциативных сетей порождает *ассоциативное значение слова* – значение, «представленное набором слов-реакций на данное слово-стимул» (Слобин 1976: 142). «На-

ряду с прямым „референтным“ или „денотативным“ значением слова существует ещё и обширная сфера того, что принято называть „ассоциативным“ значением <...> таким образом слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и „коннотативно“ связанных с ним слов» (Лурия 1998: 43-44).

Итак, психологический предикат апперцепируется на психологический субъект, ассоциируясь с ним. Однако этот процесс является невербальным. Оставаясь только в рамках психологических процессов, невозможно ответить на вопрос о том, каким образом новая переработанная информация находит своё отражение в языке. На данный вопрос отвечает метафора. Метафора, будучи признанной основной ментальной операцией, является одновременно и достоянием языка и может считаться связующим звеном между языком и мышлением.

Проблема соотношения языка и мышления является актуальной на протяжении всей истории развития науки. Вопросу о том, что первично, мысль или слово, посвящены десятки теоретических и практических исследований. Л. Витгенштейн, В. Вундт, В. Гумбольдт, А. А. Потебня, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и многие другие исследователи приходят к тому выводу, что, хотя и существует также множество исследований, подтверждающих наличие «языка» у животных, язык человека, призванный обозначать предметы, признаки, действия или состояния в отрыве от конкретного практического действия, свидетельствует о высшей степени абстракции человеческого мышления, а, соответственно, о его высоком развитии. Познавая мир и самого себя, человек испытывал потребность давать имена не только предметам и действиям, но также и собственным состояниям и душевным процессам. Развитие человеческого мышления и языка шло параллельно, одно не может существовать без другого, и наличие как языка, так и абстрактного мышления отличает человека от животного. Итак, мышление и познание осуществляются в языке. Следующим становится вопрос о том, каким образом мышление человека эволюционирует в языке от одного понятия к другому.

Проблема познания мира встаёт перед человеком тогда, когда он сталкивается с необходимостью получить информацию о не-

известном и направляет свои усилия на то, чтобы это неизвестное устранить, превратив в известное. Таким образом, запускается процесс познания. Знанием же является не реальный предмет, но понятие о реальном предмете. Если предмет, подлежащий познанию, незнаком, то нет и понятия, обозначающего его. В этом случае человеческое мышление идёт по пути аналогии, пытаясь объяснить незнакомое в терминах знакомого, методом переноса признаков с одного предмета на другой. Этот механизм познания окружающего мира полностью повторяет механизм возникновения метафоры.

Следующим аспектом проблемы взаимоотношения языка и мышления является формирование картины мира посредством языка. Важно изучать не только сам язык, но и условия его использования говорящими. Мы расчленяем, классифицируем и структурируем наблюдаемые явления, как того требует лексика и грамматика нашего языка. Разные языки формируют разные картины мира. Китаец не только говорит по-другому, но и мыслит не так, как англичанин. Различия между языками наиболее заметно проявляются в наличии лакун. Лакуны обусловлены различиями между культурами – это либо отсутствие в одной культуре реалий другой, либо то, что в одной культуре приходится различать нечто, что в другой неразличимо. Таким образом, в разных культурах на первый план выходят разные признаки определяемого объекта. Лакофф и Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живём» на наглядных примерах демонстрируют, как в разных культурах одно и то же понятие, выраженное разными метафорами, предстаёт совершенно в ином свете. Некоторые признаки обозначаемого предмета выходят на первый план, другие затемняются. Безусловно, язык и менталитет формировались одновременно, но сейчас ребёнок, рождаясь в той или иной культуре, учит родной язык как данность, и даже не задумывается о том, что мыслит и говорит метафорами. Метафоры так прочно сидят в нашем повседневном языке, что мы не замечаем их, а они тем временем создают стереотипы и замещают реальность, сами реальностью не являясь (Лакофф, Джонсон 2004).

Анализируя, каким образом отбирался языковой материал для создания метафоры, мы можем получить представление о

механизме формирования менталитета. Используемые языковые модели – это результат предшествующей практики языка и культуры, в которой запечатлелся исторический опыт. Для создания метафоры и её декодирования человек пользуется системой общепринятых в данной культуре ценностей, общепринятых ассоциаций: «в выборе метафорических выражений проявляются <...> различия индивидуальных интересов, а из совокупности метафор, ставших в языке узуальными, можно увидеть, какие интересы преобладали в народе» (Пауль 1060: 114-115). Сгласно современным исследованиям А. Л. Басилая, метафора «построена на сильных ассоциациях, упорядоченно вызывающих сходные представления у разных носителей данного языка, воспроизводящих одну и ту же метафору» (Басилая 1971: 9).

Итак, метафора даёт в одном из аспектов ответ на вопрос о соотношении языка и мышления. Метафора демонстрирует единство «общей мысли, понятия и образа» (Рубинштейн 2000: 335). Мышление и познание человеком окружающего мира происходит в метафорах. Следующим важным вопросом становится вопрос о механизме создания метафоры. С того момента, как метафора была признана основной ментальной операцией, потребовался кардинально новый подход в объяснении механизма создания метафоры. Таким объяснением стали ассоциативный и когнитивный процессы, происходящие в сознании человека, а новым подходом, удовлетворяющим уровню исследования метафоры на современном этапе, стал ассоциативно-когнитивный подход.

В своей статье «Когнитивная теория метафоры», американский исследователь Эрл Маккормак даёт следующие описания механизма создания метафоры, который является уменьшенной моделью механизма мышления вообще. Автор статьи предлагает представить себе человеческий мозг в качестве компьютерного механизма, анализирующего информацию, а различные знания, существующие в нём, уподобить схеме молекулы в n-мерном пространстве, где узлом сетки является не атом, а сло-

во⁵. Слова связаны между собой, как атомы в молекуле, ассоциациями, то есть спонтанными ментальными связываниями двух явлений (Маккормак 1990).

Именно этой особенностью человеческого мышления объясняется формулировка термина «ассоциативно-когнитивный подход». Когнитивистика – это наука о познании как процессе, а процесс познания базируется именно на ассоциациях. Механизм создания ассоциаций полностью повторяет механизм создания метафоры.

Механизм создания метафоры необходимо прежде всего рассматривать с точки зрения психологических процессов. Если подходить к метафоре с точки зрения высшей нервной деятельности, то необходимо вспомнить, что левое полушарие головного мозга выстраивает логическую, а правое – образную картину мира. Правое полушарие обрабатывает информацию в одновременной целостной манере, оно управляется с пространственными, структурными, кинестетическими, гештальтными изображениями. Оно отвечает за интуицию, невербальную информацию, символы, образы. Таким образом, метафору можно рассматривать как произведение правого полушария.

В этом контексте известен девиологический подход к метафоре, то есть подход как к семантической аномалии. Логический субъект присовокупляет к себе ранее несоединимые с ним предикаты. Таким образом, метафору можно рассматривать как намеренную категориальную ошибку, то есть «представление одной категории в терминах другой» (Рикёр 1990: 441). То же у Арутюновой: «источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов» (Арутюнова 1990: 17-18). Если рассматривать язык как логическую систему, то нарушение логики неизбежно ведёт к возникновению чувственных представлений, а метафора, по одному из мнений, даёт именно представление, а не знание о предмете. Правильное употребление языкового материала помогает решению определённых коммуникативных задач. Грамотно построенная девиация даёт в результате эффек-

⁵ см. также: Торонго, Штернберг.

тивную метафору и решает задачу дать слушателю наглядное представление о предмете.

Итак, метафора является психологическим образованием. Однако, как было рассмотрено выше, понятия в нашем сознании связаны между собой ассоциациями. Таким образом, необходимой становится конкретизация метафоры как ассоциативного процесса.

Часть ассоциаций в человеческом сознании является врождённой, передаётся по наследству вместе с культурным опытом предшествующих поколений, а часть приобретает в течение жизни в ходе освоения окружающего мира, духовной и интеллектуальной работы. Часть ассоциаций в нашем сознании уже существует, но их фонд обновляется и пополняется ежечасно в процессе познания окружающего мира. Происходит это именно методом создания метафор. Как коротко и ясно резюмирует О. Н. Лагута, «в основе метафоризации лежат ассоциации» (Лагута 2003: 102).

Г. Н. Складарская в своей работе показывает разницу между языковой и художественной метафорой. Языковая метафора шире художественной, которая служит для украшения. Языковая метафора, по мнению исследователя, «стихийна, заложена в самой природе языка, автоматически производится и воспроизводится в потоке речи» (Складарская 1993: 31). Складарская выделяет несколько типов языковых метафор, а именно: мотивированная (в этом случае есть семный элемент, связывающий метафорическое значение с исходным), синкретическая (образуется в результате смешения чувственных восприятий, например, видим вкус или слышим цвет) и ассоциативная (которая базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности). И языковая, и художественная метафора образуется согласно «логике воображения, источник её непредсказуем, базируется на ассоциациях, формирующих семантическое переосмысление» (Складарская 1993: 26-27).

Ассоциативную природу метафоры признаёт представитель ассоциативной психологии. А. Бэн, который трактует метафору как «совместное действие законов ассоциации и перемещения внимания», в результате чего «слово с первоначального обозна-

чавшегося им предмета переносится на другой, похожий на него в каком-нибудь отношении» (Бэн 1998: 130).

Способность метафоры формировать новые понятия посредством ассоциативного механизма отмечает В. Н. Телия. По мнению исследователя, метафора «способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле» (Телия 1988: 179).

Итак, апперцепирование новой информации происходит путём метафоризации на основе ассоциативных процессов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, 1999.

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147-173.

Басилая А. Л. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. Тбилиси: из-во Тбилисского ун-та, 1971.

Бэн А. Психология // Бэн А., Эббингауз Э. Ассоциативная психология. М.: ООО АСТ-ЛТД, 1998.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М: Лабиринт, 1996.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания, 1994, № 4. С. 34-47.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НГУ, 2003.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск: НГУ, 2003.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматический аспекты. М: ИНИОН РАН, 1996.

Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. М: Академия, 2002.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.

Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М: Прогресс, 1990. С. 358-388.

Пауль Г. Принципы истории языка. М: из-во иностранной лит-ры, 1960.

Потебня А. А. Мысль и язык. М: Лабиринт, 1999.

Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры. М: Прогресс, 1990. С. 435-455.

Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. // Теория метафоры. М: Прогресс, 1990. С. 416-434.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993.

Слобин Д. Психоллингвистика // Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М: Прогресс, 1976.

Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 173-204.

© Юдина Н.А., 2007